

Н.В. УГЛЕВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ В АТРИБУЦИИ «СТОЛА ЦАРЕВНЫ СОФЬИ»

Наталья Владимировна Углева,

Государственный исторический музей,
отдел дерева и мебели,
старший научный сотрудник,
Красная пл., д. 1/2, Москва, 109012, Россия

кандидат исторических наук
ORCID 0000-0003-4126-0338; SPIN 3762-9316
E-mail: uglevan@ya.ru

Реферат. Несмотря на длительное исследование русского мебельного искусства, область древних памятников по-прежнему требует углубленного изучения. Существующие атрибуции памятников, проводившиеся в XIX и XX вв., не имеют убедительных обоснований. Наименее изученной остается мебель, относящаяся к допетровскому наследию, традиционно датируемая XVI–XVII вв. на основании либо времени жизни владельца (имя которого часто сохранялось в качестве документально неподтвержденной легенды), либо даты создания архитектурного сооружения (места обнаружения предмета). Автор предлагает указанные артефакты рассматривать в качестве объекта искусства, включив в контекст развития европейских стилей, и, соответственно, провести их атрибуцию на основании методов, принятых в искусствоведческой практике (описание и анализ), дающих в совокупности наиболее объективный результат. Для апробации предложенной методики выбран один из памятников коллекции мебели Государственного исторического музея (ГИМ) — «Стол царевны Софьи». К настоящему времени он атрибутирован дважды: в инвентарной книге отдела дерева и мебели ГИМ — как образец мебели конца XVII — начала XVIII в.; в диссертации куратора этой коллекции З.П. Поповой — 1690-ми годами. Полученные результаты показывают, что приведенные в статье письменные источники, обнаруженные аналоги, анализ конструктивного и художественного решения памятника позволяют считать его работой

отечественных мастеров и определить время его создания XV — первой половиной XVI в., а также в дальнейшем использовать в качестве эталонного предмета при атрибуции. В то же время анализ провенанса стола показывает, что нет оснований, позволяющих уверенно утверждать его былую принадлежность семье Петра I Софье. Сохранившуюся легенду следует, скорее, принимать условно, а основной мемориальной составляющей считать связь с прошлым Новодевичьего монастыря.

Ключевые слова: древнерусская мебель, интерьер, атрибуция, провенанс, типология, художественное решение, раппортный орнамент, Новодевичий монастырь, царевна Софья Алексеевна Романова, Государственный исторический музей, музееведение, искусствоведение, декоративно-прикладное искусство.
Для цитирования: Углева Н.В. Новые данные в атрибуции «Стола царевны Софьи» // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 1. С. 47–55. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-1-47-55.

Мебель, сохраняемая в музейных собраниях, является важнейшим историческим источником. Как пишет в своей работе Ю. Коваловски, «старинная мебель как предмет обстановки может многое поведать нам о характере вещной среды, художественных вкусах и социальном положении ее бывших владельцев» [1, с. 22.], что позволяет широко использовать этот материал в различных видах музейной работы. История изучения мебели в России насчитывает более 200 лет. Труд А.Ф. Малиновского 1806 г. [2], впервые зафиксировавший мебель среди других памятников музея Оружейной палаты Московского Кремля, положил начало выделению ее в сферу отдельного научного исследования, которое продолжается и поныне, совершенствуясь и восполняя информационные лакуны.

По-прежнему, как и в XIX–XX столетиях, наименее изученной остается мебель, относящаяся к допетровскому наследию, традиционно датируемая XVI–XVII вв. на основании либо времени жизни владельца (имя которого часто сохранялось в качестве документально неподтвержденной легенды), либо даты создания архитектурного сооружения (места обнаружения предмета). Таким образом, единственной опорной точкой в атрибуции допетровской мебели был поверхностный провенанс (установление происхождения и истории бытования), а отягощающим условием — то, что приемы клеймения и фиксации владельческих знаков, особенно на древних образцах, не учитывались. По нашему мнению, настало время для более пристального исследования этих артефактов. В отличие от сложившейся практики, их следует впервые рассмотреть в качестве объекта искусства, включив в контекст развития европейских стилей, и, соответственно, провести атрибуцию на основании принятых в искусствоведческой практике методов описания и анализа, дающих в совокупности наиболее объективный результат.

СТОЛ ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ: ЛЕГЕНДА, ОПИСАНИЕ

Чтобы апробировать предложенный метод, рассмотрим один из памятников коллекции мебели Государственного исторического музея (ГИМ), единственной в стране, представляющей эту часть допетровского наследия наиболее полно (что облегчает поиск аналогов, а также позволяет выявлять общие тенденции в развитии

данной области отечественного декоративно-прикладного искусства). Избранный нами предмет — «Стол царевны Софьи» (ГИМ 19234/ Д II–665), один из наиболее известных экспонатов, неоднократно демонстрировавшийся в различных изданиях и на выставках, представленный в средствах массовой информации и на официальном сайте ГИМ в разделе «Коллекции онлайн» [3] (рис. 1–4). Он стал первым предметом мебели, появившимся в Императорском российском историческом музее (ныне ГИМ). Стол поступил в 1890 г. в качестве дара от настоятельницы Новодевичьего Богородице-Смоленского женского монастыря матери Антонины и сопровождался легендой, зафиксированной в Главной инвентарной книге музея [4, с. 260], о принадлежности Софье Алексеевне Романовой во время ее заточения в келье Новодевичьего монастыря. Дата и место создания памятника в этой учетной документации не указаны.

В инвентарную книгу отдела дерева, в хранение которого после многочисленных изменений структуры музея вошла мебель, стол был записан в 1937–1938 гг., т. е. спустя почти 50 лет после поступления, и определен как образец русской работы конца XVII — начала XVIII в. [5, с. 106]. Позднее атрибуция была уточнена и датировала предмет 1690-ми гг., что следует из диссертации куратора этой коллекции З.П. Поповой [6, с. 146], которая связывала его происхождение с годами жизни владелицы в период ее заточения.

Наше внимание экспонат привлек благодаря диссонансу внешнего облика и датировки, явно указывающей на период барокко, к которому не представляется возможным отнести указанный образец по внешним признакам.

Рис. 1. «Стол царевны Софьи». Вид с фасада.
Государственный исторический музей (ГИМ).
Банк фотоизображений

Рис. 2. «Стол царевны Софьи». Вид с торца.
Государственный исторический музей (ГИМ).
Банк фотоизображений

Стол имеет складную конструкцию, позволяющую легко его перемещать. Опорная часть соединена откидными крючками, а столешница является накладной и фиксируется благодаря собственному весу. Она расписана в технике темперной живописи в духе восточных тканей (рис. 3). При визуальном осмотре памятника становится очевидно, что его художественная программа идейно не соответствует тем принципам, по которым создавались предметы обстановки на рубеже XVII–XVIII вв., т. е. во время правления императора Петра I (1682–1725), активно инициировавшего внедрение иноземной моды на русской почве [7, с. 3]. В этом контексте и с учетом исторических реалий второй половины XVI в. и всего XVII столетия данный предмет кажется архаичным на фоне динамичных форм развивающегося стиля барокко, вытесняющего прошлое представление о жилой среде и быстро занимающего главенствующую роль в формировании интерьера.

Для подтверждения или изменения датировки стола рассмотрим его как предмет искусства, отрешившись от провенанса, который проанализируем лишь в конце статьи.

СТРАНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Как правило, для определения места происхождения предмета важным источником является материал, использованный при его создании. В данном случае опора стола изготовлена из березы, а столешница — из ольхи (растения того же семейства), структура древесины которой слегка просматривается на небольших фрагментах в местах утрат красочного слоя. Это дает возможность подтвердить отечественное происхождение исследуемого артефакта, так как обе разновидности древесины широко применялись на территории России. В пользу «российской» версии свидетельствует техника применения шпонок (рис. 4), почерпнутая из практики создания икон. Ее назначением было предохранить поверхность от трансформации и, следовательно, от разрушения роспи-

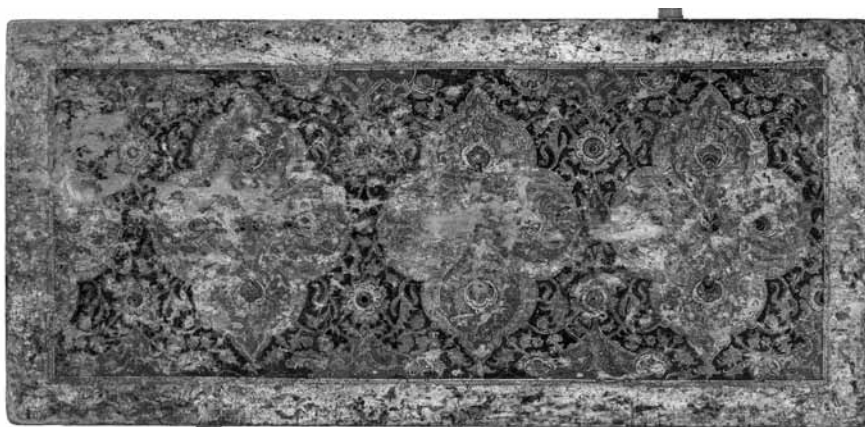

Рис. 3. «Стол царевны Софьи». Столешница.
Государственный исторический музей (ГИМ). Банк фотоизображений

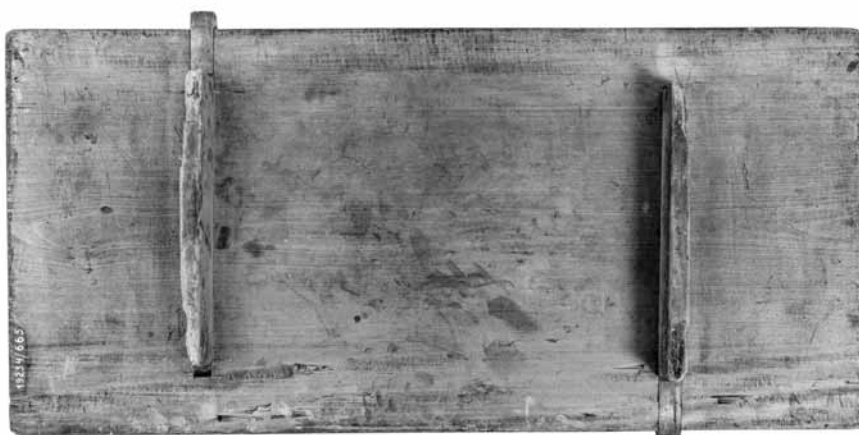

Рис. 4. «Стол царевны Софьи». Обратная сторона столешницы.
Государственный исторический музей (ГИМ). Банк фотоизображений

си столешницы, изготовленной из одной широкой доски (как это было принято, по нашим наблюдениям, при конструировании небольших столов в период до XVII века). Таким образом, удалось установить, что предмет является образцом мебели отечественного происхождения. Определение древесины проводилось в реставрационных мастерских ГИМ и на основании справочника пород дерева [8, р. 23], хотя нанесенный краситель на опоре крайне затруднял этот процесс.

Для дополнительного подтверждения этой мысли обратимся к ретроспективе состояния русского мебельного производства, что возможно сделать лишь опосредованно: наиболее ранние из сохранившихся документов, фиксировавших деятельность в этой отрасли, связаны исключительно с царским обиходом и относятся к XVII веку. Они свидетельствуют о том, что Кремлевские мастерские изготавливали значительное количество мебели для придворных нужд. Так, в «Приходной и расходной книге целовальника Терешки Парфенова» в период с 25 мая по 31 августа 1667 г. перечислены расходы на создание предметов обстановки, в частности

Рис. 5. Деталь скамьи. Р. Кампен.
Фрагмент триптиха.

Мастерская Робера Кампена.

Алтарь Мероде, около 1427—1432 гг.

Источник: Метрополитен-музей:

официальный сайт. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/470304>

упомянуты «позолочены деревянные кресла для царицы»; отмечено, что «живописец Кондрат Иовлев золотил 6 маковок деревянных точеных — к трем креслам для вселенских патриархов; для них же сделан и раскрашен (Иваном Филатьевым) большой стол; устроена для государя водяная ванна и кресла и проч.» [9, л. 64]; что причисляется «живописцу Ивану Богданову Салтанову 12 руб. Писал он по наряду в Оружейную палату... шкафы, стулы, столовые доски...» [10, с. 443]; что «ствольного и столярного дел мастера... делали... сундуки, шкатулы и столы похожие с дорожниками...» [10, с. 445].

Данная тенденция (специализация видов работ, мастеров, изделий) фиксируется и в упомянутой выше диссер-

тации З.П. Поповой [6, гл. 1], являющейся основополагающим трудом по истории русской мебели XVI—XVII веков. Ретроспективно рассматривая эту отрасль производства с XI в., автор отмечает ее востребованность, развитость, разнообразие ассортимента предметов обстановки. Особенно важно подчеркнуть, что русские столяры были знакомы с образцами европейской мебели и создавали свою в соответствии с современной модой.

Такой вывод можно сделать, во-первых, на основании приведенной цитаты об украшении сундуков, «шкатул» и столов «дорожниками», т. е. резьбой волнистого рисунка, широко распространенной с начала XVII в. в Германии, Голландии, Фландрии, Англии и получившей в русском языке название «флемованного дорожника» от немецкого *Flammen-leisten* [11, с. 45—46]. Этот художественный прием использовался для украшения рам и корпусной мебели. Во-вторых, есть сведения о том, что в 1711 г. (период стиливого господства барокко) для сестры императора Петра I изготовили стол с опорами в виде резных волют: «Станочного дела мастера... делали в Преображенское в хоромы царицы Наталии Алексеевны стол липовый на польских ногах...» [10, с. 460]. Определение «на польских ногах» говорит о том, что подобный декоративный прием был известен отечественным мастерам благодаря предметам, созданным польскими мебельщиками, и воспринят опосредованно как модный европейский элемент барокко, распространившегося в европейской культуре в этот период.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Возвращаясь к столу из собрания ГИМ, еще раз отметим, что его декоративное решение отличается от процветавшего на протяжении XVI—XVII вв., не менее любимого в XVIII, прочно укоренившегося и сохранявшегося в народной памяти по меньшей мере вплоть до начала XX в. барокко. Художественное решение не находит прямых аналогий ни с памятниками русского, ни с предметами зарубежного искусства. Нарочито выявленная стоечно-балочная опора стола составлена из равновеликих прямоугольников, подчиненных монотонному ритму. Она столь же значима для общего художественного решения, что и полихромная расписная столешница.

Аналогичный прием формообразования конструкции зафиксирован в работе рубежа 1420—1430-х гг., выполненной мастерской нидерландского живописца Р. Кампена, изобразившего в центральной части алтарного триптиха в сцене «Благовещение» [12] переметную скамью подобной структуры (рис. 5). От исследуемого нами памятника ее отличает включение в декор резных элементов готического происхождения — трехлепестковых стрельчатых арок в обрамлении из цветов. Заметим, что избирательная трактовка стиля была характерна и для русской архитектуры. Такой же подход отмечен и в итальянском искусстве. Как отмечает Д. Кес, «готический стиль оказал на итальянскую архитектуру и мебельное искусство довольно поверхностное влияние, что можно объяснить различиями условий жизни...» [12, с. 84]. Таким образом, можно констатировать, что в рамках одного художественного явления различных школ или целых стран вырабатывался индивидуальный художественный почерк.

Брусочная основа стола из собрания ГИМ кажется созданной в результате поиска идеальных арифметических и гармонических пропорций. Ее украшают и продольные профилировки, и подчеркивающая ее окраска маслом, которая могла измениться со временем или появиться в более поздний период. Профилировки и дробление композиции опоры на прямоугольники являются, пожалуй, самыми яркими атрибуционными признаками данного экспоната исключительно потому, что позволяют найти аналоги в искусстве готики: от сохранившихся памятников норвежского искусства XII—XIII вв. [6] (рис. 6) до английских образцов этого стиля XV в. [13, с. 89] (рис. 7), XVI в. [14, fig. 18], а также на ренессансном кресле русской работы [15, с. 100–105] (рис. 8).

Столешница, как уже отмечалось, расписана раппортным орнаментом, имитирующим персидские ткани. Он составлен из четырех конечных элементов (резервов) в окружении растительно-цветочных побегов. Подобный прием декорирования встречается на целом ряде персидских предметов и, по свидетельству исследователя восточного текстиля старшего научного сотрудника отдела тканей и костюма ГИМ О.Г. Гордеевой, прослеживается с древнейших времен до современности. Изображение коврового покрытия на столешнице имело конкретный прототип, подвергшийся точному воспроизведению, включая ошибку ткача, который просчитался в размерах основы и орнамента, из-за чего один из крайних резервов уместился у него лишь наполовину. По мнению О.Г. Гордеевой, такой дефект, известный и достаточно распространенный в ковровых работах, связан с недостаточным профессиональным опытом мастера, что, при безусловной дороговизне товара, удешевляло стоимость его продукции.

Украшение стола ковровой имитацией является безусловной данью моде, что соответствует общеевропейской традиции декорирования интерьера тканями. Однако в отличие от практики последующих столетий, которая ввела в моду в XVI в. драпировку столов, скрывающую их практически целиком, экспозиция исследуемого предмета рассчитана на его демонстрацию полностью — так, как было принято во времена готики и Ренессанса. Это давало возможность увидеть и оценить гармоничное построение произведения, заключающееся в симбиозе строгого ритма геометрических членений опоры и многоцветия росписи столешницы, имеющей свой собственный размеренный повторяющийся темп.

ТИПОЛОГИЯ

Необходимо в процессе атрибуции остановиться на типологии предмета: определить его предназначение и место в интерьере. Первое, что обращает на себя внимание, — небольшой размер стола (114 × 53 см при высоте 73 см). Второе — что стол является складным. Именно эти качества позволяют предположить, что изготавливался он специально для использования во время путешествий, хотя был необычайно удобен и в условиях стационарного интерьера благодаря возможности легкого перемещения. В зависимости от нужд владельца стол мог быстро ставиться, например, к окну (в дневное время — для увеличения количества света при письме и чте-

Рис. 6. Кресло. Норвегия, XII—XIII вв.
[6, прил., с. 12]

Рис. 7. Кресло. Англия, XV в. [13, с. 89]

Рис. 8. Кресло. Россия, XV—XVI вв.
Государственный исторический музей (ГИМ).
Банк фотоизображений

нии), в центр помещения (для приема гостя или для трапезы), к источнику тепла и т. д. Упоминание источников [10, с. 443] о подобных экземплярах («столы походные») уже приводилось нами выше.

Пожалуй, к аналогичным приспособлениям можно отнести курульные стулья и кресла, широко использовавшиеся с древнейших времен как в походах, так и в домашней обстановке. Приведенная аналогия является вынужденной, поскольку при большом разнообразии курульных образцов в музейных собраниях Европы небольшие складные столы представлены в единичных экземплярах. Один из них опубликован в книге Д. Кеса «Стили мебели» [12, рис. 223]. Украшенный чертозианской мозаикой (техника ренессансной инкрустации), с составленной из двух половинок и скрепленной петлями прямоугольной столешницей, опирающейся на Х-образные ножки, он относится к образцам итальянской работы XV в. в стиле готики. Интересно отметить, что данный образец, как и стол из собрания ГИМ, украшен в духе восточных традиций, к которым относится техника геометрической мозаики из кости и воспроизведение персидского ковра.

Этот факт еще раз подтверждает, что русское искусство развивалось во взаимосвязи с европейской культурой, в частности с итальянской, и близость предметов, созданных в этих странах, является очередным эпизодом из истории их взаимодействия. В рамках приведенных аналогов мебели, бытовавшей в европейском обиходе, с точки зрения рациональной простоты конструктивного решения стол из собрания ГИМ обнаруживает большее сходство с готическим примером. Яркое, в каждом случае свое, декоративное оформление данных предметов транслирует еще одну задачу, решавшуюся исполнителями: создание украшения для светского интерьера. В каждом из приведенных случаев она была реализована в основном благодаря декору столешницы.

РЕЗУЛЬТАТЫ АТРИБУЦИИ И АНАЛИЗ ПРОВЕНАНСА

Ряд действий в ходе проводившегося исследования успеха не принес, однако мы считаем необходимым изложить информацию о них. Так, консультация, полученная в отделе тканей и костюма ГИМ, по датированию росписи столешницы, воспроизводящей раппортный орнамент, подтвердила сходство последнего с восточными тканями, повторяющими аналогичную композицию с древнейших времен до современности, что не привнесло в исследование никаких сведений о времени создания памятника. Для подтверждения происхождения декоративной композиции был использован материал, изданный в сборнике

орнаментов [16, табл. 48]. Изучение красочного слоя констатировало технику письма темперой со стандартным составом пигментов, использовавшихся на протяжении тысячелетий, что также не добавило данных для атрибуции. Оказался безрезультатным и поиск аналогов среди памятников, сохранившихся в российских музеях или запечатленных в изданиях, наиболее полными из которых явились публикация А.А. Бобринского [17] и статья А.К. Чекалова [18]. Это еще раз подтвердило древнее происхождение предмета. Совпадения наблюдались только в деталях, что позволило наметить круг артефактов, время создания которых впоследствии можно рассмотреть в контексте данной атрибуции.

Полученные результаты показывают, что исследуемый предмет представляет образец отечественного производства (об этом говорят использованный при создании материал и особенности конструктивного решения). Можно говорить о его «транзитном» состоянии, демонстрирующем черты готики и Ренессанса. В пользу первого свидетельствует аскетизм образа, созданный прямоугольными членениями и продольными профилировками, тогда как конструкция в целом решается в облегченной форме, позволяющей предмету «покинуть» фиксированное место в интерьере и сделаться мобильным (для более комфортного использования в быту), что стало отличать мебель эпохи Возрождения. К традиции этого же художественного направления относится исполнение яркой многоцветной столешницы. Как пишет в своем исследовании «Стили в мебели» Д. Кес, с XIV по рубеж XV–XVI вв. предметы обстановки украшались яркой росписью [11, с. 94], что проявилось и в художественном оформлении стола из собрания ГИМ.

Совокупность отмеченных особенностей позволяет нам определить время его создания периодом XV — первой половины XVI в., а также в дальнейшем использовать в качестве эталонного предмета при атрибуции. Столь широкие рамки датировки объясняются объективными критериями: длительным проникновением новых художественных систем в искусство различных стран (до полной замены предыдущих). Как свидетельствует Д. Кес, рассуждая об эволюции стилей, Ренессанс внедрялся в готическое искусство медленно, сосуществуя с ним на протяжении века и более [12, с. 86–107], что актуально и для отечественной практики.

Датировка стола из собрания ГИМ соотносится с временем правления ряда великих князей московских в диапазоне между Василием I (1389–1425) и Иваном IV Грозным (1533–1547), ставшим царем (1547–1584). Исследуемый предмет мог быть изготовлен по заказу для одного из них или для их домочадцев, а также персон аристократического круга

и членов их семей. Представляется вполне обоснованным появление стола в составе багажа именитых персон, прибывавших в Новодевичий монастырь с 1524 г. (дата основания), — в качестве как старинного предмета, вышедшего из употребления, так и, напротив, изготовленного по последней моде. Обратимся к его провенансу, связавшему данный экспонат из собрания ГИМ с именем дочери царя Алексея Михайловича Романова Софьи.

Как известно из архивных источников, царевна Софья Алексеевна за время пребывания в заточении в московском Новодевичьем монастыре несколько раз меняла непосредственное место жительства. Ее пристанищем становились и деревянный дворец, находившийся на территории обители, и Настоятельские палаты, известные также как Лопухинские, и Напрудные палаты [19, с. 312]. Именно последние существуют до настоящего времени как мемориальное здание, связанное с именем царственной особы. Вероятно, исследуемый нами стол находился в 1890 г. в его стенах, что, правда, однозначно не доказывает непосредственную принадлежность несостоявшейся царице, но объясняет происхождение истории данного памятника.

Однако следует принять во внимание, что монастырское предание сохраняло сведения на протяжении двух веков. Это говорит о его устойчивости, и вполне возможным представляется наличие указанного стола в интерьерной среде высокопоставленной особы. Сам уклад монастыря, изначально предполагавший уважительное отношение к находящимся здесь персонам, происходившим из старинных боярских семей и царской фамилии, был основан на почтении к ним, выражавшемся, в частности, в создании особых комфортных условий жизни. Среди монастырского имущества находилась и мебель (в том числе из кремлевского обихода), появлявшаяся по мере «освоения» обители и аккумулировавшаяся век за веком. Ее ассортимент неуклонно расширялся с включением собственности вновь прибывших. Накапливавшиеся таким образом в монастыре предметы поступали в пользование насельников по мере востребованности. В этом процессе терялась информация о первичной принадлежности вещей, которая трансформировалась и в измененном виде была зафиксирована в описях XIX века.

Отметим, что нет оснований, позволяющих уверенно утверждать былую принадлежность исследуемого стола сестре Петра I Софье. Сохранившуюся легенду следует, скорее, принимать условно, а основной мемориальной составляющей считать связь с бытом Новодевичьего монастыря, что открывает широкие возможности для исторических изысканий. Как писал И.Е. Забелин, «выводы науки... с каждым днем все больше раскрывают истину, что домашний быт человека есть среда, в которой

лежат зародыши и зачатки всех... великих событий его истории... общественной и политической, или государственной» [20, с. 36]. В этом смысле новая атрибуция стола из собрания ГИМ, определившая его русское происхождение и время создания (XV — первая половина XVI в.), открывает широкие возможности для использования этого уникального артефакта в качестве материального источника и в области изучения отечественной истории, и в контексте продолжения исследования древнерусского мебельного производства.

Список источников

1. Коваловски Ю. Готическая и ренессансная мебель : [альбом] / [пер. с венг. Г. Каргинов]. [Будапешт] : Корвина : Мадьяр Хеликон, 1981. 81 с.
2. Малиновский А.Ф. Историческое описание древняго российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающагося. Москва : типография Императорского Московского университета, 1807. 139 с.
3. Стол. Конец XVII — начало XVIII века // Государственный исторический музей : официальный сайт. Коллекция онлайн. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/665?page=2&query=стол&index=90/> (дата обращения: 03.02.2023).
4. Инвентарь коллекциям Императорского российского исторического музея. № 1. 1881—1890 гг. Инвентарь отдела // Отдел учета Государственного исторического музея (ГИМ).
5. Инвентарная книга отдела дерева и мебели // Отдел дерева и мебели Государственного исторического музея (ГИМ). Д—П. 1937—1938 гг. 240 с.
6. Попова З.П. Русская мебель XVI—XVII веков : дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 1973. 205 с.
7. Соколова Т., Орлова К. Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Ленинград : Художник РСФСР, 1973. 254 с.
8. Gibbs N. The Real Wood Bible : the complete illustrated guide to choosing and using 100 decorative woods. New York : Firefly Books, 2005. 256 p.
9. Приходная и расходная книга целовальника Терешки Парфенова // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 369. Оп. 2. Ч. 2. Д. 955.
10. Описи записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов / составил заведующий архивом Оружейной палаты А. Викторов. Вып. 2. 1613—1725 гг. Москва : типография М.П. Щепкина, 1883. С. 377—660.
11. Соколова Т.М. Очерки по истории художественной мебели XV—XIX веков. Ленинград : Советский художник, [1967]. 164 с.
12. Кес Д. Стили мебели. Москва : В. Шевчук, 2008. 268 с.
13. Соболев Н.Н. Стили в мебели. Москва : Всесоюзная академия архитектуры, 1939. 350 с.
14. Macquoid P., Edwards R. The Dictionary of English Furniture : From the Middle Ages to the late Georgian period. Suffolk : Antique Collectors' Club, 1990. 384 p.

15. Углева Н.В. Современная атрибуция курульного кресла из коллекции Исторического музея // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI—XX веков : материалы VI научно-практической конференции, 16–18 октября 2019 г. Москва : Исторический музей, 2021. С. 100–105.
16. Орнамент всех времен и стилей / под ред. О. Расинэ. Москва : Арт-Родник, 2004. 69 с.
17. Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия : предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода : [альбом]. Вып. 1. Москва, 1910. 22 с.
18. Чекалов А.К. Мебель и предметы обихода из дерева // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII века. Москва : Издательство Академии художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 12–56.
19. Макаров Г.А. Стрелецкие караульни Новодевичьего монастыря в Москве // Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания / сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. Москва : Арткитчен, 2012. С. 297–303.
20. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор. Москва : Книга, 1990. 416 с.

New Information in the Attribution of "The Table of Princess Sophia"

Natalya V. Ugleva

State Historical Museum, 1/2, Red Square, Moscow,
109012, Russia

ORCID 0000-0003-4126-0338; SPIN 3762-9316

E-mail: uglevan@ya.ru

Abstract. *Despite the longtime research of Russian furniture art, the area of ancient monuments still requires in-depth study. The existing attributions of monuments, carried out in the 19th and 20th centuries, do not have convincing justifications. The least studied is the furniture belonging to the pre-Petrine heritage, which traditionally dates back to the 16th – 17th centuries on the basis of either the time of the owner's life (whose name was often preserved as a documented unconfirmed legend) or the date of creation of the architectural structure (the place of discovery). The author believes that these artifacts should be considered as an object of art, included in the context of the development of European styles, and, respectively, their attribution should be carried out on the basis of methods adopted in art criticism practice – descriptions and analysis, which together give the most objective result. To test the proposed method, the article considers a monument from the furniture collection of the State Historical Museum (SHM) – "The Table of Princess Sophia". To date, it has been attributed twice: in the inventory book of the SHM's Department of Wood and Furniture – as a sample of furniture of the late 17th – early 18th century; and in the dissertation of the curator of this collection Z.P. Popova – to the 1690s. The results obtained show that the written sources used in the article, the discovered analogues, and the analysis of the constructive and artistic solutions of the subject allow us to attribute this monument to the work of domestic masters and determine the time of its creation in the 15th – first half of the 16th century,*

as well as to use it as a reference subject for attribution. At the same time, the analysis of the provenance of the Table shows that there are no grounds for confidently asserting its former belonging to the sister of Peter I. The preserved legend should rather be used in a subjunctive sense, and the main memorial component should be considered a connection with the past of the Novodevichy Monastery.

Key words: Old Russian furniture, furnishings, attribution, provenance, typology, artistic solution, rapport ornament, Novodevichy Monastery, Princess Sophia Alekseyevna Romanova, State Historical Museum, museology, art studies, decorative and applied art.

Citation: Ugleva N.V. New Information in the Attribution of "The Table of Princess Sophia", *Observatory of Culture*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 47–55. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-1-47-55.

References

1. Kovaloszki J. *Goticheskaya i renessansnaya mebel'* [Gothic and Renaissance Furniture]. Corvina, Magyar Helikon Publ., 1981, 81 p.
2. Malinovsky A.F. *Istoricheskoe opisanie drevnyago Rossijskago muzeya, pod nazvaniem Masterskoi i Oruzheinoi palaty, v Moskve obretayushchagosya* [A Historical Description of the Ancient Russian Museum, Called the Workshop and Armory, Located in Moscow]. Moscow, Imperatorskago Moskovskogo Universiteta Publ., 1807, 139 p.
3. A Table. Late 17th – Early 18th Century, *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei: ofitsial'nyi sait. Kolleksiya onlain* [State Historical Museum: official website. Collection Online]. Available at: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/665?page=2&query=stol&index=90/> (accessed 03.02.2023) (in Russ.).
4. An Inventory of the Collections of the Imperial Russian Historical Museum. No. 1. 1881–1890. Department Inventory, *Otdel ucheta Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (GIM)* [Record Keeping Department of the State Historical Museum] (in Russ.).

5. An Inventory Book of the Wood and Furniture Department, *Otdel dereva i mebeli Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (GIM)* [Wood and Furniture Department of the State Historical Museum], D-II, 1937–1938, 240 p. (in Russ.).
6. Popova Z.P. *Russkaya mebel' XVI–XVII vekov* [Russian Furniture of the 16th–17th Centuries], cand. art. diss. Moscow, 1973, 205 p.
7. Sokolova T., Orlova K. *Russkaya mebel' v Gosudarstvennom Ermitazhe* [Russian Furniture in the State Hermitage Museum]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1973, 254 p.
8. Gibbs N. *The Real Wood Bible: The Complete Illustrated Guide to Choosing and Using 100 Decorative Woods*. New York, Firefly Books Publ., 2005, 256 p.
9. A Receipt and Expense Book of the Tselovalnik Tereshka Parfenov, *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], coll. 369, aids 2, part 2, fol. 955 (in Russ.).
10. Viktorov A. (ed.) *Opisi zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov* [Inventories of Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders], issue 2, 1613–1725. Moscow, M.P. Shchepkina Publ., 1883, pp. 377–660.
11. Sokolova T.M. *Ocherki po istorii khudozhestvennoi mebeli XV–XIX vekov* [Essays on the History of Art Furniture of the 15th–19th Centuries]. Leningrad, Sovetskii Khudozhnik Publ., 164 p.
12. Kaesz G. *Stili mebeli* [Furniture Styles]. Moscow, V. Shevchuk Publ., 2008, 268 p.
13. Sobolev N.N. *Stili v mebeli* [Styles in Furniture]. Moscow, Vsesoyuznaya Akademiya Arkhitektury Publ., 1939, 350 p.
14. Macquoid P., Edwards R. *The Dictionary of English Furniture: From the Middle Ages to the Late Georgian Period*. Suffolk, Antique Collectors' Club Publ., 1990, 384 p.
15. Ugleva N.V. Modern Attribution of a Curule Seat from the Collection of the Historical Museum, *Problemy atributsii pamyatnikov dekorativno-prikladnogo iskusstva XVI–XX vekov: materialy VI nauchno-prakticheskoi konferentsii 16–18 oktyabrya 2019 g.* [Problems of Attribution of Decorative and Applied Art Monuments of the 16th–20th Centuries: Proceedings of the 6th Scientific-Practical Conference on October 16–18, 2019]. Moscow, Istoricheskii Muzei Publ., 2021, pp. 100–105 (in Russ.).
16. Racinet A. (ed.) *Ornament vseh vremen i stilei* [L'Ornement Polychrome]. Moscow, Art-Rodnik Publ., 2004, 69 p.
17. Bobrinsky A.A. *Narodnye russkie derevyannye izdeliya: predmety domashnego, khozyaistvennogo i otchasti tserkovnogo obikhoda* [Folk Russian Wooden Products: Home-ware, Household Items, and, in Part, Church Items], issue 1. Moscow, 1910, 22 p.
18. Chekalov A.K. Furniture and Household Items Made of Wood, *Russkoe dekorativnoe iskusstvo ot drevneishego perioda do XVIII veka* [Russian Decorative Art from the Ancient Period to the 18th Century]. Moscow, Akademii Khudozhestv SSSR Publ., vol. 1, 1962, pp. 12–56 (in Russ.).
19. Makarov G.A. The Streltsy Guardhouses of the Novodevichy Monastery in Moscow, *Moskovskii Novodevichii monastyr': k 500-letiyu osnovaniya* [Moscow Novodevichy Monastery: To the 500th Anniversary of its Foundation]. Moscow, Artkitchen Publ., 2012, pp. 297–303 (in Russ.).
20. Zabelin I.E. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh. Kniga pervaya. Gosudarev dvor* [The Home Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries. Book One. The Sovereign's Court]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 416 p.